

евгений гришковец
**151 ЭПИЗОД
ЖЖИЗНИ**

Евгений Валерьевич Гришковец
151 эпизод ЖЖизни
Серия «ЖЖизнь», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606995

151 эпизод жжизни.: Махаон, Азбука-Аттикус; Москва; 2011

ISBN 978-5-389-01947-8

Аннотация

«151 эпизод ЖЖизни» основан на интернет-дневнике Евгения Гришковца, как и две предыдущие книги: «Год ЖЖизни» и «Продолжение ЖЖизни». Читая этот дневник, вы удивитесь плотности прошедшего года.

Книга дает возможность досмотреть, додумать, договорить события, которые так быстро проживались в реальном времени, на которые не хватило сил или внимания, удивительным образом добавляя уже прожитые часы и дни к пережитым.

Содержание

19 августа	4
20 августа	7
6 сентября	9
8 сентября	13
14 сентября	17
16 сентября	22
21 сентября	28
23 сентября	32
25 сентября	37
28 сентября	41
30 сентября	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Евгений Гришковец

151 эпизод жжизни

19 августа

Не могу отойти от съёмок фильма. От кино... Не отпускает интенсивность жизни, уложившейся для меня в тридцать съёмочных дней и ночей. Вчера почти весь день провёл дома и не находил себе места. А в Калининграде были то дождь, то солнышко, то дождь, то солнышко. И я реагировал на дождь очень нервно, потом сам себе говорил: «Да не переживай, дождь – не помеха, закончились съёмки, закончились!» Всё-таки кино – это чудо...

Сегодня вечером не выдержал безделья и домашнего спокойствия, поехал с дочерью в кино – не зная, на что. «Район 9», сеанс только начался. Других фильмов ждать было час или больше, а названия мне тоже ничего не говорили. Титры уже не застали, и то, что фильм снял П. Джексон, я узнал только после сеанса.

Сначала я решил, что мы попали на очередное претенциозное малобюджетное кинишко. Первые кадры, на которых появились инопланетяне, мне показались наивными и даже

беспомощными. Я успел подумать, что наш мопс Лёва гораздо больше похож на инопланетянина и что создатели фильма могли сделать для актёров более оригинальные костюмы. Но потом... нас с Наташей накрыло чудо кино! Вышли мы, не зная даже, о чём говорить. Впечатление было таким сильным, что ехали до дома молча. По сути история не бог весть как остроумно придумана. Но то, какой там создан мир, то, как этот мир снят, герои... даже сам воздух – это всё КИНО. Когда вернулся домой, постарался сразу узнать, кто же это сделал. Джексон?! А! Ну тогда понятно! Этот сказочник мог совершить чудо.

Мы смотрели с Наташей этот фильм, и я ощущал себя ребёнком, которому страшно и который после напряжённого момента может выдохнуть и почувствовать, что пальцы рук затекли оттого, что сжимали подлокотники кресла. И всё это я испытывал от детской погружённости в происходящее на экране и детской же веры, что вижу настоящее событие. Давно не переживал такого в кино, а тем более – по-детски не думал о том, что хорошо бы у фильма было продолжение.

Тем, кто решает, на какой фильм в ближайшие дни пойти, искренне рекомендую «Район 9». За эту рекомендацию создатели и прокатчики мне не платили, наоборот, я сам заплатил за просмотр. Если кому-то не понравится, даже извиняться не буду, так как фильм может не понравиться толь-

ко тем, кто окончательно утратил детское отношение к кино. Им я могу лишь посочувствовать. И предупреждаю: тем, кто не любит фантастику, не любит киночуда, тем, кому обязательно участие знаменитых артистов, фильм смотреть не стоит. А тем, кто пойдёт, – приятных и сильных впечатлений.

20 августа

Завтра рано утром отправляемся всем семейством к тёплому морю... С поездкой определились спонтанно, этакая импровизация под конец лета. В Калининграде обещают хорошую погоду, и Балтика до сих пор тёплая, даже жалко уезжать. Но хочется настоящего зноя и гарантированной жары. Хорошо, что есть друзья, которые с этой импровизацией, собственно, и помогли. Да что там... они её устроили.

Вечером совершили маленькое семейное предательство: отвезли нашего Лёву к знакомым. Это нужно было сделать, потому что сдавать его в клетке в багаж... Даже не представляю, как такое возможно. А пришлось бы, всё-таки Лев (*улыбка*). И потом, мопсы плохо переносят жару. Отвезли, снабдили всем необходимым. Он уже оставался у этих людей, но всё равно... Перед отъездом из дома он что-то почувствовал, нервничал, суетился, заглядывал в глаза. Что ж, будем скучать, каждый день звонить (знакомым, у которых его оставили, разумеется), будем волноваться.

Как прекрасны импровизации! Взял с собой толстую книгу, набрал детских фильмов, а для себя – старые, проверенные картины Хичкока. Что может быть лучше вечером, у моря, в буржуазной обстановке? (*Улыбка*)

Лето, оказывается, продолжается.

6 сентября

В первый раз за очень долгое время *здесь* получился перерыв без веских причин. Ну вот... отдыхал! Там, где отдыхал, удобного выхода в интернет не оказалось. Нужно было искать интернет-кафе или напрашиваться к кому-то, типа, может, мы зайдём к вам вечером на интернет? (*Улыбка.*) А потом сказал сам себе: отдых значит отдых.

В Калининграде второй день льёт холодный осенний дождик. Город полон осенних цветов на клумбах. И хоть на деревьях ещё совсем нет жёлтой листвы, опавшие и висящие на яблонях яблоки, большие грецкие орехи за окном и тяжёлые тучи над городом – всё это осень. А позавчера утром было ещё лето: жаркое, звенящее, наполненное запахами... Интересно наблюдать последние дни августа у моря. 25–26 августа народу битком, места на песке не найти, пробки, возня, рестораны и кафе вечером полны, и чувствуется, как люди стараются надышаться, наплаваться, напиться вина, напитаться солнцем, и во всём этом звучит «напоследок». Даже дети как-то отчаянно веселятся... И сколько бы кто ни провёл у моря, каким бы долгим у кого ни был отпуск, у всех одна и та же мысль: «Господи, как же быстро пролетело лето!» Дочери я в этом году сделал подарок: она пошла в школу с опозданием на четыре дня. Все увозимые домой

подружки по пляжу сильно ей завидовали. Завидовали дополнительным четырём дням свободы, а ещё тому, что у неё родители такие безответственные и недисциплинированные, не относятся к Первому сентября как к чему-то священному и незыблемому (*улыбка*).

И Первого сентября у моря наступила благодать. Остались только люди без детей либо с детьми совсем маленькими. Шум утих, а вода приобрела совсем нежную, почти глицериновую вязкость и тягучесть, и дно стало видно на многие метры вглубь. Прислушавшись к тишине, к берегу подплыли рыбы. И пришло то самое умиротворение, ради которого все и стремятся к морю, но его не находят, так как многие едут сюда в одно и то же время.

А у меня случилось бурное и длинное лето, может быть, самое длинное за всю мою жизнь. Почти весь июнь были гастроли, потом короткая поездка во Францию, потом долгие съёмки в Иркутске, которые снятся и не отпускают до сих пор, а позавчера утром я стоял на берегу Бискайского залива (в последний день путешествия удалось туда вырваться), смотрел на гигантские атлантические волны, был оглушён их грохотом и мощью и совершенно вымок от пыли брызг. Я стоял, зная, что пора ехать в аэропорт... Стоял, улыбался и думал: «Господи, я на берегу Бискайского залива, вот он, оказывается, какой!» Сколько раз мне в детстве и юно-

сти ласкало слух это название! Я ощутил себя ребёнком, забылись все посещённые и увиденные мною страны, забылся даже Тихий океан, который я наблюдал ежедневно в течение трёх лет, забылся весь жизненный опыт, я ощущал себя человеком без прошлого. Бискайский залив, ё-моё! (*Улыбка.*)

Вчера посмотрел новости, почитал то, что мне написали друзья по почте. Узнал, что кто-то написал книжку «Как я съел асфальт», и эта книжка, мне сказали, нехорошая и продаётся в книжных магазинах рядом с моими. Я обрадовался: ощутил себя Луи Виттоном, подделанным китайцами. Правда обрадовался! Я отдыхал, а человек же писал, старался (*улыбка*).

Узнал про новые нормы русского языка и ужаснулся: узаконили чуть ли не самые грубые и невыносимые ошибки. Но пусть это остаётся на их совести. Видимо, они узаконили то, как сами привыкли говорить. Я продолжу говорить, как привык и как меня учили родители и бабушка с бабушкой.

Позавчера у Саши выпал первый зуб. Вот это событие! Он гордится и показывает эту свою первую прореху. Он всю ночь спал с приоткрытым окном, оставив зуб на видном месте, в синей коробочке. Но мы с дороги были уставшие, и зубная фея за зубом не прилетела. Саня был очень расстроен и даже предположил, что зубной феи не существует. Но

вечером окно снова приоткрыл. И наутро выяснилось, что зубная фея есть. Вместо зуба в коробочке лежала монета, да ещё какая! Большой серебряный австралийский доллар, с английской королевой на одной стороне и каким-то пороёнком на другой. Я отыскал эту монету в своих сусеках, так как обычную за такой ценный зуб давать было нельзя. К тому же надо было объяснить опоздание феи: всё-таки из Австралии, путь неблизкий. Он целый день ходит с этой монетой, понимая, что держит в руке доказательство чуда.

А я через пару часов снова поеду в аэропорт. Лечу через Минск в Тбилиси. Это не развлекательная поездка, но я ещё и страшно соскучился. И к тому же там ТАК ЖДУТ!..

8 сентября

Вчера ночью прибыли в Тбилиси. В Минске провели два часа, не выходя из аэропорта. Приехал старинный друг, накормил, напоил, рассказал последние новости, расспросил и отправил в Тбилиси. Тбилисский аэропорт по-прежнему работает в основном ночью, в целях экономии. В половине четвёртого утра подлетели к этому прекрасному городу, освещённому всеми огнями, сели, очень быстро и без всяких проблем и проволочек прямо в аэропорту получили визы... и упали в объятия грузинских друзей. Через каких-то полчаса после прилёта мы сидели на пустынном и тихом проспекте Руставели за столиком, пили кахетинское вино и говорили, говорили, говорили. Потом были хинкали, вкуснейшая трава джёнджёли (надеюсь, я правильно её называю в русской транскрипции), сыр... Мы встретили рассвет и смотрели, как город наполняется машинами и людьми. Тбилиси... Я год в нём не был. За это время он ещё похорошел. Дороги стали лучше, освещения стало больше, очень много в старом городе отреставрировано и ещё больше, казалось бы, совсем руин находится под реставрацией...

Весь вчерашний день прошёл в беседах, спать совершенно не хотелось, а больше всего не хотелось терять времени. Часа в два я с небольшой компанией грузинских друзей был в зна-

менитых серных банях, где беседуется совсем замечательно. Мы бесконечно пили чай из маленьких стеклянных стаканчиков и опять говорили, говорили. Потом что-то ели, гуляли по старому Тбилиси. Погода стоит чудесная, такое нежное тепло, то есть совсем не жарко, а вечером даже не прохладно. Несмотря на понедельник народу в кафе, которых в старом городе бесчётное количество, было полным-полно. Все нарядные, весёлые...

Те, кто нам встречался, выражали огромную радость, что я приехал несмотря ни на что. Только в этой радости и удивлении проявлялось напряжение последнего года, которое, конечно, не прошло и пройдёт нескоро. Политических тем никто не поднимал. Всё-таки люди в Тбилиси (я имею в виду тех, кого знаю, то есть моих друзей, знакомых, коллег) очень деликатны, они ценят дружбу и теплоту взаимоотношений. Между собой у них постоянно происходят какие-то разговоры, общество накалено, расколото и устало от происходящего в стране. Но если б вы видели, как грузины умеют друг с другом спорить и что-то острое обсуждать! Давние друзья, у которых диаметрально разные мнения и которые, видимо, спорят о наболевшем чуть ли не каждый день, несмотря ни на что любят и ценят друг друга, а главное – могут вовремя остановиться. Разумеется, я говорю о тех, кого знаю. Потому что, к сожалению, не все в Грузии могут остановиться вовремя.

За вчерашний вечер промелькнуло перед глазами огромное количество людей, лиц, было пожато очень много рук. Те, с кем я встречался, прекрасно информированы о том, что происходит в России в области кино, музыки, литературы. Все, кто регулярно ездил в Москву или Питер, те, у кого там друзья, родственники или дела и кто теперь не может туда поехать, говорили о том, как скучают по Москве, Питеру, скучают искренне и сильно. Дело в том, что получить визу в Россию здесь почти невозможно. Это связано с такими сложностями... Практически непреодолимыми. Мы всё это испытали, когда делали визу для Георгия Накашидзе, чтобы он снялся у нас в кино. Господи, к кому нам только не пришлось обратиться! А в Тбилиси – пожалуйста, прилетаешь и получаешь визу в течение десяти минут и без проблем.

Сейчас поедем к Накашидзе, он звонил уже несколько раз. Сообщил, что купил на рынке самый лучший сыр, зелень, овощи, мясо. Поедем к нему в загородный дом, в горы. Он грозитя устроить «Не горюй пати 2». Там сегодня споют, скажут множество тостов, погрустят, посмеются. В общем, сделают всё то, что любят и умеют в очень концентрированном виде (*улыбка*).

Сегодня ночью в Тбилиси было землетрясение, гостиницу потрянуло будь здоров. Я подскочил, выглянул в окно, но

никто из домов не выбежал, всё было спокойно. Наутро мне многие из России прислали эсэмэски, мол, как ты там, в новостях сообщили про сильное землетрясение, – а в Грузии про это многие и не знают. Те же, кто ночью проснулся и что-то почувствовал, только радуются, мол, вот здорово, забавно! Так что где был эпицентр и пострадал ли кто-нибудь, мне не известно. В Тбилиси точно всё спокойно.

14 сентября

Вчера вечером вернулся домой. В ушах ещё звучит шум голосов, обрывки разговоров, тосты, песни... Я в очередной раз оглушён Грузией, оглушён самым прекрасным и счастливым образом. Досадно, что я не смогу передать ощущения, запахи, вкус... не смогу передать содержание, а главное – интонацию и страстность песен, разговоров, выражения глаз, жесты... – всё то, что промелькнуло передо мной, и то, в чём я сам участвовал последние шесть дней и ночей. У меня постоянно возникало желание всё снять, записать звук, а ещё лучше – выйти в некий прямой эфир, чтобы показать Грузию тем, кто никогда там не был и у кого, возможно, не было встреч с грузинской культурой, грузинами, тем, кто видел Грузию только в новостных программах последнего времени.

Расскажу, как мы съездили на дачу к Георгию Накашидзе. Ещё на съёмках фильма Георгий много говорил о том, как любит свою дачу, как ему там хорошо и как он хочет меня туда пригласить. Я наслушался и уже больше его хотел там побывать. И вот мы поехали... и побывали на даче не у него, а у его друга и соседа Димы, потому что дача Георгия на ремонте. Это, конечно, абсолютно в его духе, но тем он и хорош, за то его и любим.

Место, куда мы поехали, находится недалеко от Тбилиси, но дорога довольно сложная, извилистая и местами условная. Дачный посёлок ещё советских времён, когда выделяли маленькие участки, а домики строили типовые, зато для того времени это было здорово и даже круто.

Там давали участки только деятелям культуры, людям со славными и любимыми всем Советским Союзом именами. В частности, в двух шагах от нас оказалась дача Нани Брегвадзе. Про домики можно сказать – ничего особенного. А вот место прекрасное! Но ещё лучше атмосфера и люди. Хотя, повторюсь, по сравнению с новыми загородными посёлками, возникшими вокруг наших даже нестоличных городов, этот посёлок так себе. Но у нас так не поют!

Сыр, хлеб, овощи, закуски, мясо для шашлыка (свежайшую баранину) заготовил Георгий, зато всё остальное: приготовление шашлыка, посуда, стол и, разумеется, последующее мытьё посуды и уборка – легло на плечи его друга.

В тот день и вечер за столом и вокруг были дети разных возрастов. Как же приятно, что все они говорили по-русски! Даже пятилетний сын Георгия знает немного по-русски. При этом понимает лучше, чем говорит. Но и Георгий и его жена Ирма спокойны, они уверены, что знание придёт, поскольку стараются с ним и читать, и говорить по-русски, и смотреть

русское телевидение. Я с удивлением и радостью узнал, что в Тбилиси много детских садов, которые они называют русскими, где воспитательницы говорят по-русски, читают детям русские книжки и где дети общаются между собой на русском языке. Эти детсады весьма популярны. Многие родители хотят, чтобы дети сызмальства знали русский язык, как издавна было принято во многих семьях.

В Тбилиси по-прежнему работают русские школы, в домах, где я бывал, много русских книг и книг на русском языке. Хотя, что сразу бросилось в глаза, и в тбилисских гостиницах, и в ресторанах надписи на русском языке исчезли.

Не буду пересказывать, о чём мы говорили, какие были шутки, я всего и не помню. Шашлык удался, и сыр был фантастически вкусным. Да что там – всё было очень вкусным. А домашнее кахетинское вино, которое Георгий приволок в большой, страшной канистре, было выше всяких похвал.

Из этой канистры вино переливали в кувшин, и всё было чудесно! Такого вина нигде больше не выпить. Оно совсем не похоже на то, к чему мы привыкли, и это не то вульгарное вино, какое можно купить в трёхлитровых банках где-нибудь в Сочи или в Крыму...

Сумерки и темнота навалились моментально, будто вначале задёрнули плотные шторы, а потом закрыли ставни. И мои друзья стали петь. Все мои друзья, и друзья их друзей, и

их приятели, и приятели их приятелей – это люди, которые знают друг друга с детства, то есть всю жизнь, и их родители знали друг друга и дружили, или жили по соседству, или вместе работали, или состоят в родстве. И Нани Брегвадзе для моего друга Дато тётя, а для кого-то – подруга мамы, а для кого-то – коллега отца, а ещё кому-то – соседка. Так что репетировать им, чтобы петь за столом, не надо.

Они знают много песен, моментально распределяются по голосам и поют так, что хоть записывай и выпускай альбом.

Я не понимаю, о чём поют мои друзья. Я попросил однажды пересказать, о чём эти песни, и слова оказались неожиданно простыми. Одна мне представлялась трагической и героической, а, как выяснилось, она про то, как парень помог девушке донести до дома кувшин с водой. А в той, которую я услышал как весёлую, чуть ли не все умерли. Я понял, что лучше не спрашивать, о чём поётся в этих старых, а то и древних песнях. Я слышу в них какие-то свои смыслы, да и грузины, которые их поют, тоже слышат в этих простых словах своё, что-то такое, чего мне услышать не дано. Потому что, наверное, если бы мне удалось это услышать, я смог бы и петь.

Когда стало прохладно, мы перешли в дом. За столом остались только мужчины от пяти до сорока пяти. И песни звучали, звучали, звучали...

Как всё завершилось, я не очень помню. Точно знаю, что

хорошо. Всё пребывание в Грузии я старался утолить любопытство и жажду грузинских моих друзей, приятелей и даже незнакомых людей... жажду общения, интерес к тому, что происходит в России, к тому, что мы думаем по поводу произошедшего и происходящего между нашими странами, и любопытство в отношении того, что нас ждёт. Я как мог эту жажду утолял и сам немало расспрашивал.

Я ещё расскажу, как провёл вечер у великого Резо Габриадзе, как побывал в Цинандали, как мне удалось снова наблюдать в приватной обстановке президента Грузии (недолго, не накоротке, но всё же частным образом).

Начинается сезон. Утром лечу в Москву, а уже вечером выйду на сцену. Давненько я этого не делал. В горах здорово простудился, подцепил жестокий бронхит. Так что буду играть, сдерживая кашель. Но я постараюсь как можно скорее выздороветь – к тому же горы того стоили (*улыбка*).

Летом в Калининграде, на месте запрещённого и закрытого клуба игровых автоматов, открыли грузинский ресторан с оригинальным названием «Генацвале». Это весьма символично. Вот ещё бы поскорее реально позакрывали игровые клубы, которые сейчас переименовали во всё что угодно, но где происходит всё то же самое, и открыли бы прямые рейсы на Грузию, и дали бы нам возможность пить настоящие грузинские вина и вкуснейшую воду «Боржоми». Когда то и другое настоящее – это очень здорово...

16 сентября

Радостно начинать сезон не одному на сцене, а с партнёром. Игорь Золотовицкий был вчера чертовски смешным. Да к тому же в Москве прекрасная погода, ужасные пробки, то есть всё как надо. Усталость, издёрганность и утомление от спектаклей, гастролей, интервью и встреч – это всё впереди. Так будет к зиме, а пока есть радость и ощущение того, что соскучился и даже истосковался по работе.

Хочу рассказать, как встречался в Тбилиси с великим и любимым Резо Габриадзе. Для тех, кому это славное имя ничего не говорит, напомним, что Резо Габриадзе – автор сценариев таких фильмов, как «Мимино», «Не горюй!», «Киндза-дза»... А ещё у него маленький, но великий кукольный театр, и он удивительный художник. Мы знакомы довольно давно, встречались в Москве и Тбилиси. Встречи с Резо – всегда тихий праздник вполголоса, когда можно слушать человека часами и улыбаться, удивляться, наслаждаться его мудростью. Резо говорит, рассказывает истории – а никогда не понятно, рассказывает он подлинные истории, фантазирует или смешивает то и другое – и возникает ощущение прикосновения к чему-то совсем древнему, при этом живому и бесконечному. Он напоминает ветвистое дерево, которое странным образом произросло в единственном экзем-

пляре и каждый год плодоносит непредсказуемыми плодами.

Прежде я ни разу не был у Резо дома. Я бывал у него в театре в старом Тбилиси и в его кафе при этом театре. И театр и кафе сейчас перестраиваются. Это и без того было красиво, но теперь это станет достопримечательностью старого Тбилиси. А возле театра даже будет построена небольшая башня. Всё, что делает Резо, состоит из маленьких деталей, и каждой детали он касался своими руками или изготовил сам. Дом у него тоже такой. Я никогда ничего подобного не видел, потому что такого дома в мире больше нет.

Резо живёт недалеко от Тбилиси, точнее, над городом. Но это уже деревня, поднимающаяся по склону горы. С улицы дом не разглядеть и даже не видно размеров двора и чем этот двор наполнен. А когда поднимаешься к дому, огибаешь деревья, видишь что-то странное, казалось бы, не складывающееся в дом, но при этом удивительно красивое. Красивое по законам красоты, которую может создать только Резо. Строение очень длинное и одноэтажное, и только войдя можно понять, что это два железнодорожных вагона, соединённых в один. Как он их затащил в гору – непонятно. Да и со стороны вагоны неузнаваемы. Возникает ощущение, будто они сами собой пустили корни и выросли в скалу, обросли глиняной штукатуркой, деревянными окнами и к ним приросла веранда. Всё ржавое, потёртое, неновое, точнее сказать древ-

нее, но всё тёплое и живое. К тому же там чертовски удобно, функционально и всё на своём месте.

Резо не очень хорошо себя чувствовал, но был рад. Он живёт очень тихо и в этом же доме работает. У него есть мастерская, где он расписывает изразцы, есть первоклассная печь для обжига керамики и изразцов, а в летние дни Резо работает прямо на веранде. Ни одна плиточка никогда не повторяется, каждая уникальна. Всё он рисует маленькой кисточкой. Сидит, побряхтывает и рисует. Он сидел, курил и стал жаловаться на то, что не спится и приходится рисовать ночами, а зрение уже не то. «К тому же ночью в этом дворе, Женя, так много народу, они мне так мешают! – неожиданно сказал он. Я удивлённо поднял бровь, представив себе многочисленных родственников, детей, гостей, которые ночью мешают батону Резо работать. Но он продолжил: – Они такие удивительные, всякие, треугольные, круглые, все с усами, у каких-то вроде две головы... ползают, летают, и все стремятся на свет моей лампы. Одна вчера, с мохнатыми усами, упала в темперу (это такая краска), я, конечно, её достал, попытался отмыть водой, но она скончалась. А я переживал. Их тут так много! Один, маленький, как только я начинал красить белым очередную плитку, всё заползал на неё и пытался подойти к краске. Я ему говорил: «Не надо! Куда ты?!» – а он всё равно идёт. Я его уже рукой не пускаю и при этом боюсь раздавить, он же маленький. Он обидится, уйдёт

– потом опять. Я тогда взял лупу, стал его рассматривать, а у него, представляешь, всё есть! Глаза, мозг, усы, какие-то губы, крылышки, лапки... Я его опять не пустил, извинился, он как-то так обиженно задней лапой шаркнул, ушёл и больше не возвращался».

Резо рисует и рисует свои изразцы. Башня возле его театра будет вся ими отделана, и ни один изразец не повторится. А сколько их в разных местах Тбилиси, этих его плиточек!

Потом мы пили чай. С пряниками. Пряники были совершенно такие, какие мы помним с детства. А Резо сожалел, что сейчас не продают прежних сухарей в пачках, от которых, по его словам, немного пахло солярккой. Самые вкусные и самые солярные, как он сказал, раньше продавались в Ленинграде. Он их всегда покупал и привозил с собой. «Но теперь, – сокрушался он, – таких делать не умеют».

Резо много говорил о собаках, которые у него жили. И о той, что живёт теперь; про коров, кур, которые иногда забредают от соседей. Он рассказал про птиц, что некогда жили в его доме, называя всех по именам. А я за чаем рассказывал про Иркутск и Байкал. Байкал его очень заинтересовал, и он слушал долго и с удовольствием... Его собака тоже меня слушала. Резо сказал, что его собаки любят слушать людей. И у меня на самом деле возникло ощущение, что Резо

живёт в мире, в котором он не разделяет живые существа на насекомых, людей и животных. Для него все они как люди, и он со всеми умеет разговаривать.

Мы чаёвничали не допоздна, всё-таки Резо немало лет. А когда вернулись в Тбилиси, друзья попросили меня заехать с ними на день рождения приятеля в модный тбилисский клуб. Клуб как клуб, но после дома Резо он показался неуместным. Таких в Москве и Питере полно, да и в каждом крупном городе есть что-то подобное. День рождения был совсем не грузинский, а с претензией на европейскость, то есть без застолья и вина, а с виски, джином и прочим. Публика довольно яркая, но тоже вполне типичная. Такая, какую пытаются называть элитой или как там ещё... богемой... модной тусовкой... Мне там было скучно.

Но вдруг возникло оживление, суэта и все заговорили о том, что скоро придёт президент. Потом появились люди в чёрном. Грузинские люди в чёрном какие-то не очень настоящие. У многих пузцо, а они делают строгие лица, будто играют в плохом боевике, то есть хотят выглядеть страшными, но главное – очень профессиональными. А потом пришёл президент, в тёмных брюках и белой в широкую полоску рубашке. С тех пор как я его видел последний раз два года назад, он похудел. Был как-то нарочито весел. Рубашка ему не шла. И по-прежнему нет в нём ни элегантности,

ни тех шика и обаяния, какие присущи многим тбилисским мужчинам. Он поздравил именинника, который оказался его родственником, послушал тосты в честь себя, что произносились со сцены в микрофон. Вновь быть ему представленным и поздороваться я не захотел. Не хотел быть неискренним. Да и что я мог сказать? Не знаю. Точнее, может, и знаю, но ему бы это точно не понравилось. К тому же людей в чёрном было чуть ли не столько же, сколько гостей. Гости радовались, им было приятно, президент посидел минут сорок и ушёл, а с ним ушли и люди в чёрном. Вот так я ещё раз видел президента Саакашвили.

Резиденция президента Грузии теперь достроена. Нелепое сооружение со стеклянным яйцеподобным куполом, освещенное ярче стоящих рядом старинных церквей. Безобразное здание. Очень портит вид прекрасного и горячо любимого мной города.

После посещения Резо и бесед с Мастером этот клуб, ярко одетые и стремящиеся выглядеть неместными посетители, люди в чёрном, президент в полосатой рубашке показались ненастоящими, игрушечными, инородными. Они выглядели менее живыми и осмысленными, чем тот «народ», про который рассказывал Резо. Дай ему Бог здоровья и долгих лет жизни, этому умному, хитрому, внимательному и тихому человеку.

21 сентября

Вчера прилетел домой. Отоспался. За пять дней, проведённых в Москве, удалось встретиться с огромным количеством людей и сделать почти всё намеченное. В смысле пробок Москва превзошла себя. В среду и четверг провёл в автомобиле в общей сложности часов восемь. Ужас конечно – даже для Москвы. А после долгого отсутствия такое состояние жизни в этом городе просто изумляет. И когда стоишь в очередной пробке и видишь вокруг только машины, а в машинах – лица людей, которые махнули на всё происходящее рукой... рефреном звучит в голове: «Боже мой, как же тут можно жить?!»

При этом я сильно по Москве соскучился. Я почувствовал это в первый же вечер, когда приехал в театр. Соскучился по своим коллегам, по гримёрной, в которой всё разложено и расставлено, как я привык, соскучился по сцене, на которой так много сыграно, отрепетировано, сделано. Я люблю смотреть в окно своей гримёрной на площадь перед театральным центром. На ней сразу видно и понятно многое. Вот стоит молодой мужчина, пришёл за сорок минут до спектакля, стоит, ждёт, смотрит в одном направлении... без цветов. Ждёт ту, в которую влюблён и которую пригласил на спектакль. Наверняка долго думал, купить ли цветы, но не решился, по-

тому что не знал, куда их в театре деть. Его возлюбленная придёт минут за пять до начала спектакля, в тот момент, когда он ненадолго отвлечётся или ему кто-то позвонит по телефону, так что он и не увидит, как она появится из-за угла.

Мне нравится наблюдать, как встречаются четыре-пять подружек. Они расстались, может, часа четыре тому назад (спектакли у меня в Москве начинаются в 21.00), но при встрече обнимаются и целуются, словно не виделись много лет. Они хохочут и шумно заходят в театр. Мне нравятся нарядные и элегантные дамы, которые посматривают на часы и нервно звонят по телефону. Их мужья в последний момент подъезжают на дорогих автомобилях, выскакивают, подбегают... Мне видно, как элегантные дамы гневно что-то выговаривают своим мужчинам, видимо, возмущаясь, что им не придёт минут двадцать перед спектаклем неспешно походить по фойе, сверкнуть бриллиантами, блеснуть платьем, то есть совершить приятный театральный ритуал. Но они позволяют мужьям оправдаться, поцеловать их... и вместе с ними торопятся занять свои места в зале.

Мне нравится наблюдать, как молодая женщина ведёт на спектакль своего мужчину, который идёт нехотя, потому что не любит театр или даже ни разу в нём не был. Он идёт на спектакль как на двухчасовую муку, только чтобы угодить своей спутнице. Чаще всего именно такие мужики на спек-

такле больше всех радуются.

Мне нравится выглянуть в окно перед тем, как уже идти на сцену. Я слышу третий звонок, слышу по трансляции шум публики в зале, кто-то от нетерпения даже начал аплодировать. Я выглядываю в окно и обязательно вижу одну, а то и несколько бегущих ко входу парочек. Чаще всего опаздывают именно парочки. Вот бежит парень в куртке, с рюкзаком, и девушка в светлом плаще. Они бегут, смеются... Потом уже, стоя на сцене, я вижу, как они тихонечко просачиваются в зал. Я люблю свою московскую публику. Кстати, надо отдать ей должное: именно в Москве реже всего в зале звонят мобильные телефоны. Московская публика особенная. Может быть потому, что самая смешанная. Выходцев из каких только городов и губерний не встретишь на московских спектаклях!

Четыре раза сыграл «+1». Перед первым в этом сезоне спектаклем очень волновался. Текст повторял три раза, а всё равно путался. У спектакля чертовски сложная структура, композиция и очень сложный ритм. Мне так сейчас интересно разбираться во всех этих сложностях, что я хочу играть в ближайшее время только его. Но в этом году десятилетие спектакля «Как я съел собаку», поэтому я его сыграю в этом сезоне по всей стране. Мне важно отдать должное своей первой работе, своему матросику, и посмотреть, что же с ним и

со мной случилось за десять лет. буду играть во многих городах в паре с «Как я съел собаку».

Между ними десять лет, и я рад тому, что в новом спектакле мне удалось оторваться от ассоциаций и сравнений с тем персонажем, с которого я начинал, а главное – перейти в другой сценический возраст. Это было, наверное, самое сложное и необходимое дело.

Аня Матисон, которая работает над монтажом фильма, показала смонтированные куски. Никогда так не волновался, глядя на экран. Не могу адекватно оценивать увиденное, но то, что увидел, радуется...

В пятницу зрительница подарила мне веточку сирени. Я глазам не поверил: сирень в сентябре! Как это возможно? Понимаю – цветы можно вырастить когда и где угодно, в теплицах. Но как сирень-то смогли обмануть?.. Веточка дивно пахла и радовала меня два дня.

23 сентября

Три ночи подряд над Калининградом было очень много звёзд. Вызвездило так, как летом не случалось. Стояли тёплые, ясные и самую малость ветреные дни. Состояние воздуха и света было таким, каким я и хотел бы показывать город своим друзьям. Сюда надо приезжать осенью, в погожие дни. Видеть засыпанные упавшими яблоками сады, смотреть, как падают на землю каштаны, блестящие и красивые, которые так и хочется собирать и набивать ими карманы, – что с удовольствием и делают дети.

Я дома всего три дня и наблюдаю, как за окном, прямо на глазах, меняет свой цвет огромный клён. Внизу он ещё совсем зелёный, в середине – жёлтый, а сверху – почти алый. Вечером хорошо слышно, как падают на асфальт грецкие орехи... Сегодня пасмурно, сильный ветер, и пахнет дождём. Но до конца октября обязательно будут прекрасные солнечные дни, и разноцветные листья будут ещё долго радовать...

Меня сегодня удивил один дядька. Дедом его назвать не могу, ему за шестьдесят, но и мужичком не назвал бы, потому что он по-стариковски разговорчив и манеры у него стариковские. Представился он Валерой. И только потом сказал, что он Валерий Николаевич. Я в ответ сказал, что я Ев-

гений Валерьевич, и он предположил, что мой отец, видимо, его ровесник. Угадал. «Тогда многих Валерками называли, одни Валерки, в честь Чкалова. После сороковых никогда уже столько Валерок не было», – сказал он.

Валера большой специалист по всем видам печных работ. Он пришёл починить печь, оценив, что у меня именно печь, не камин. Потому что, по его наблюдениям, а я с ним согласен, люди делают при любой возможности в своём жилище камин, воплощая часто наивные представления об уюте и некие литературно-кинематографические иллюзии... Но именно камином пользуются редко. И стоит этот камин, пылится... и только иногда зажгут его для гостей, чтобы произвести впечатление. А ведь мечтали выпить чего-нибудь у камина, послушать, как трещат дрова... *(улыбка)*.

Но я не про камин, я про Валеру. Валера быстро и толково объяснил, в чём достоинства и недостатки нашей печи, так называемой голландки, то есть традиционной для немецкого дома высокой узкой печки... А потом неожиданно спросил: «Это ты тот самый писатель? А то мне говорили про тебя, а ты не похож». Я сказал, что да, тот самый. Он меня изучил недоверчивым взглядом с головы до ног и обратно, помолчал и заметил: «Я думал, солидный, с бородой, серьёзный... И обязательно пожилой. Не-е, ты совсем не похож!» Я сказал, мол, извините, уж какой есть. Он ещё помол-

чал, потом спросил: «Значит, ты пишешь и этим деньги зарабатываешь?» Я сказал: «Представляете, зарабатываю!» Он стал расспрашивать, про что пишу, много ли у меня книжек. Я уклончиво ответил, мол, книжки про жизнь, у меня их не очень много, но как раз на жизнь хватает. «Да я вижу, что хватает, – сказал он. – Молодец, что пишешь – и на жизнь хватает».

Потом долго стучал, месил глину, в общем, занимался. Работы ему хватит ещё на пару дней. Но закончив на сегодня и уходя, он спросил: «А подолгу ты пишешь?» Я ответил, что часов по восемь, а то и по десять, как пойдёт. Валера сказал: «Да-а, тяжёлая у тебя работа. – Причмокнул губами, прищурился и посмотрел куда-то в бок: – Я вот тоже однажды решил книгу написать. Мне Серёга, мой напарник, всё говорил: «Валера, напиши книгу, ты такие истории рассказываешь, тебе лучше не печки класть, а книги писать». И я решил попробовать. Начал писать про долгожителей... Ну, там, из Дагестана... Ну, про тех, которые в горах живут. Десять страниц написал за неделю и так устал, что понял: лучше уж печки класть!» Я спросил: «Вы что, в Дагестане жили?» – «Да нет...»

Почему Валера решил писать книгу про дагестанских долгожителей, для меня осталось тайной. Он явно не намерен был больше про это говорить, а я так сильно удивился, что

не стал спрашивать. Он ушёл, а я остался в тихом и весёлом изумлении... Как же всё-таки велика тяга к самовыражению!.. Если уж мужик, который всю жизнь клал печи по деревням и хуторам, а лет пятнадцать тому назад научился класть каминь, решил написать книгу, да ещё такого экзотического содержания... Чего уж говорить про интернет! Кто только не берётся за литературу, о чём только не фантазируют «авторы». Но поверьте, я очень хотел бы прочесть те десять страниц, которые написал Валера...

Когда дома шёл ремонт, у нас работал прораб Саша. Он из Орловской губернии, из села, но уже давно живёт в Калининграде. Ему 45. Саша прекрасно знает все виды работ, от сантехнических до сложнейших кровельных. А ещё, несмотря на отсутствие образования, хорошо читает чертежи, владеет строительной техникой, от экскаватора до крана. Однажды я увидел, как он карандашиком довольно лихо нарисовал на бумажке физиономию. Видно было, что карандаш Саша держит привычно. Я поинтересовался, не учился ли он рисовать. «Да где бы я учился у себя в деревне?! – ответил он. – Нет, не учился. Но рисовать люблю и даже рисовал портреты наших деревенских женщин... Поварих рисовал. У них дома, небось, до сих пор висят... И чеканки делал... – Саша подумал и добавил: – В деревне парикмахерской не было, так я всех наших женщин стриг. Им нравилось». Хотел бы я на это всё взглянуть! Мощные таланты проявляются

самым неожиданным образом (*улыбка*).

25 сентября

Печку Валера закончил, но своих писательских тайн и причины своих замыслов не раскрыл, целый день молчал. При этом работал хорошо, тщательно и споро. Видимо, одно другому помеха. Некогда было, наверное, вспоминать о писательском прошлом. Зато печку переложил прекрасно.

Завтра на день полечу в Питер. Пригласили выступить на вручении премии «ТЭФИ». По замыслу режиссёра церемонии, мы с «Бигуди» исполним «На заре».

Однажды я уже был приглашён на церемонию «ТЭФИ» с небольшой речью... Мне предложили выступить с некими словами, обращёнными к работникам телевидения. Традиционно с такой речью выступал Жванецкий, но в тот год он почему-то не мог или отказался... Пригласили меня. Я написал текст, но потом случился Беслан, и получилось так, что приглашали меня в одной стране, а выступать нужно было уже в другой, в стране, пережившей страшную беду. Я это понял и переписал текст, основная мысль которого была... что стыдно перерождаться, стыдно начинать что-то, основываясь на одних принципах, а потом эти принципы утрачивать или вообще забывать о всяких принципах. Я никого в той речи не обвинял. Я говорил о своём разочаровании... В общем, меня тогда попросили не выступать, хотя мой текст

в прессу попал, даже без моего ведома.

С тех пор я целый год пробовал участвовать в телевидении: делал на СТС ежедневную маленькую программку, которая длилась одну минуту десять секунд (зато каждый день *(улыбка)*). Не могу сказать, что я понимаю, как делается телевидение, зачем и что движет теми людьми, которые телевидением занимаются. Одно понимаю: в зале на «ТЭФИ» будет много людей, деятельность которых мне непонятна, и я часто ощущаю эту деятельность как что-то нехорошее, даже вредное, а иногда – безнравственное.

Я всегда с огорчением вижу появление на телевидении людей, которые занимались или занимаются чем-то другим. Чаще всего это означает, что человек, которого мы видим регулярно участвующим или ведущим какую-то программу, ничего нового и доброго в своей сфере в ближайшее время не сделает. Это касается всех, от драматических актёров, которые ни с того ни с сего стали кататься на коньках и жонглировать, до ребят из «Камеди клуб», которые расползлись по разным каналам и телевизионным передачам. Когда я увидел Сергея Шнурова в качестве телевизионного ведущего, я удивился и растерялся!.. Я общался с Сергеем, и не раз, видел его на концертах... Он очень, очень интересный, живой, забавный, искренний, настоящий... И какой же он обычный, скучный и необаятельный в телевизоре! Зачем ему это? Что

затягивает людей в телевизор? В случае со Шнуром, Веллером и другими деньги мне ничего не объясняют.

Мир телевидения для меня чужой. Общаясь с телевизионными людьми, я ощутил прикосновение к чему-то нездоровому, нервному и сосредоточенному на том, что мне непонятно. У них всегда разрываются телефоны, всегда озабоченные лица, они не могут вникнуть в простые житейские вопросы, потому что не отрываются от дел, мыслей и интриг, связанных с телевидением. Я удивился тому, как вполне разумные и интеллектуально оснащённые люди, вкусу которых доверяю, с кем мы читали одни книги, смотрели одно кино и слушали одну музыку, втянувшись в телевизионную жизнь, всерьёз начинали говорить о рейтингах, цифрах и процентах, всерьёз беспокоиться о том, как их программа победила или проиграла другой, совершенно несхожей по тематике, содержанию и смыслу.

Когда в течение года выходила моя программка и мне регулярно сообщали о её рейтингах... мне это было небезразлично. Ну, то есть, если рейтинг становился больше, мне было приятно, а меньше – неприятно (*улыбка*). А когда у меня появился ЖЖ и мои рейтинги *здесь* стали расти, меня это увлекло... Но во-первых, это быстро прошло, а во-вторых – это никогда не было «любой ценой». На телевидении же я наблюдаю другое. Я вижу утрату смыслов, предатель-

ство собственных мнений и измену вкусу в азартной борьбе за магические рейтинги. Что-то происходит на телевидении, какой-то там есть вирус. Я попробовал, слегка к нему прикоснулся. И то, что я год делал свою маленькую программу, даёт мне право говорить о ТВ: это не интеллигентское чистоплюйство, я и сам запачкан (*улыбка*).

Так вот... завтра выступлю на «ТЭФИ» честно. Я немного изменил слова песни. Нет, припев будет неизменным и основная тема та же: юность. Но я скажу ещё и про ответственность перед той искренностью, которой изменять нельзя, если ты искренне начал. Об ответственности перед профессией и теми идеями, задачами, желаниями и причинами, по которым мы в ту или иную профессию шагнули, об ответственности перед голосами, которые нас позвали. Есть и на ТВ люди, которые не меняются и не изменяют себе. Мы их знаем и помним...

28 сентября

На «ТЭФИ» я выступил. Очень волновался. Странно: сценический театральный опыт и навыки в таких ситуациях не помогают. Когда участвую в сборном концерте, церемонии или благотворительной акции... сильно волнуюсь. Не знаю почему...

Поместили меня в одну гримёрную с Леонидом Парфёновым. Прежде мы встречались, но то были эпизодические, короткие встречи. Парфёнов тщательно готовился к выступлению, перечитывал текст, а потом попросил меня послушать пару кусков. Я согласился, и он мне их исполнил с жестами, с подачей, со своими неподражаемыми интонационными переходами. Ксения Раппопорт тоже волновалась... Зато получивший «ТЭФИ» Малахов – нет. Было видно: он пришёл получить должное, получил и ушёл. Звезда, что поделаешь! *(Улыбка.)*

После церемонии мы долго общались небольшой компанией, в которой были Парфёнов, Лёша Агранович (мой старинный друг и режиссёр церемонии), ещё какие-то люди, Ксения Раппопорт. Она очень приятный человек, настоящая, умная, живая. В ней нет напускной скромности и даже намёка на звёздность.

Ехал вчера в аэропорт по пасмурному, но не холодному

Питеру, в прекрасном настроении, и вдруг получил эсэмэс: «Ваня умер».

И мне не надо уточнять фамилию. Только в это невозможно поверить... Мы были дружны несколько лет, даже немного работали вместе. И весь круг людей, которые были дружны с Иваном Дыховичным, между собой называли его Ваня... «Ваня звонил», – и было ясно, о ком речь. «Ваня рассказал анекдот», или «Ваня рекомендует посмотреть такой-то фильм», или «Ваня приглашал туда-то»... Я не называл его Ваней в лицо, но про себя или в кругу друзей – всегда только так.

Последние года четыре мы почти не общались: я не принимал его кино, он совершенно не принимал мою литературу... Работы Ивана в кино вызывали у меня недоумение. Я с ним на эту тему не говорил, но он чувствовал.

От участия в одном из его фильмов я отказался, и постепенно общение сошло на нет, хотя был период, – когда оно было очень активным и тесным, – почти дружбы... Да что там «почти» – дружбы! Так что я могу и ощущаю себя вправе сказать об Иване Дыховичном, о некоем его феномене и о том, за что я его ценю и люблю.

Я не помню телевизионной программы про кино лучше, чем его «Уловка 22». Живя в Кемерово, я старался её не пропустить, а если понимал, что пропускаю, просил записать её

на видео. Мне не только нравилось то, что и как он говорил про кино, – я был *во всём* с ним согласен! Меня как зрителя страшно радовало то, что моё маленькое, частное мнение человека, далёкого от кино, совпадает с мнением человека, глубоко кино знающего. Он находил такие точные слова, от которых кино становилось ближе, он словно давал зрителям возможность иметь своё мнение и нисколько его не стесняться. Это была передача, которую я чувствовал лично мне необходимой. Таких, как он, в телевизоре не было, нет и, наверное, не будет.

Спустя несколько лет меня познакомили с Иваном Дыховичным, он посмотрел мой спектакль, и мы подружились. Общались мы в основном по телефону, потому что я редко бываю в Москве. Несколько раз он приглашал меня в какие-то свои затеи. То собирался снимать телевизионный фильм, то документальный. Мы работали, но из этого ничего не вышло. Фильм не был доделан или что-то произошло, в общем, не важно. Главное – мы вместе работали и много общались. Если слышал свежий, хороший анекдот, я немедленно звонил Ване. Если ему что-нибудь забавное приходило в голову – он звонил мне. Мы созванивались чуть ли не каждый день. Если звонил Ваня – этот звонок сулил что-то приятное и не усложняющее жизнь.

Ваня был классный! Он всегда был классно одет. У него

был своеобразный, неподражаемый стиль. Какие бы странные вещи на нём ни были, они ему шли, были обязательно дорогие и уникальные. Он классно курил трубку, классно водил автомобиль. Всё делал легко, заразительно и вкусно. Машины он предпочитал быстрые и очень быстрые. У него ещё при советской власти был «Феррари», который достался ему неизвестно как. Ваня открыл мне много напитков, которых до встречи с ним я не знал и не имел представления, как их пить. Ваня ни разу не порекомендовал мне ничего такого, что бы мне не понравилось. Он знал и дружил с огромным количеством людей, совершенно разных. Вы представить себе не можете, насколько разных людей мог собрать Ваня в одной компании, от космонавтов и шансонье до олигархов и бандитов. Если Ваня приглашал где-то посидеть и выпить, можно было не сомневаться, что будет интересно, неожиданно, забавно, будут приятные люди, кем бы они ни были. Но главное – Ваня обязательно что-то расскажет.

Иван Дыховичный невероятно глубоко и, я бы сказал, фундаментально знал Москву на несколько слоёв в глубь времён. Я когда-то сказал, что для меня существует столько городов Москва, сколько людей мне её показывали. Та Москва, которую показал Ваня, прекрасна! Он знал Москву, можно сказать, с закрытыми глазами. Проезжая мимо какого-то переулка, мог, не поворачивая головы, сказать: «Пройдёшь по переулку вниз, метров сто, – там лучшая в Москве

пельменная...» Мог сказать, где делаются в Москве лучшие котлеты, где стоит выпить коктейль и где заведение с таким интерьером, какой даже Гоголю с Островским не снился.

Дыховичный болезненно переживал дикие перемены, которые происходят со столицей, сокрушался по поводу утраты неповторимого московского духа, который он чувствовал как никто. Много мне показывал кинематографической Москвы. Говорил: тут снимался такой-то фильм, а здесь, ты помнишь такую сцену, – это снимали здесь. Загляни вот в эту арку, помнишь, в «Заставе Ильича»?.. Однажды мы шли по «Останкино», и он сказал: «Помнишь, в «Солярисе» у Тарковского чёрно-белая сцена конференции? В этом коридоре снимали. И как Андрей разглядел, что можно это так снять?!» – и когда он это говорил, было ясно: он всех знал. И не просто знал – дружил. Он очень активно прожил ту эпоху. Он все меняющиеся эпохи прожил очень активно. И всегда был современным, не чуждым времени, которое проживал.

Ваня дал мне много важных советов. Как себя вести с теми или иными людьми, в той или иной ситуации, как держаться достойно и последовательно в суетном и полном соблазнов мире... В мире, где делаются театр, кино, литература, музыка... Я много узнал от Ивана полезного. Какие-то советы он давал в виде притч из собственной жизни.

Я не хотел бы, чтобы создалось впечатление, что его ис-

искусство мне было не важно, а важно было то, какой он друг. Это не так. Друг он был прекрасный и выдающийся... А про его кино я ничего не говорю... Мне не понятно и не близко его кино. Но невероятно близко и понятно то, как он относился к кино и как его любил и понимал. Мне близко и понятно то, как он держал удар, когда критика или даже те, чьим мнением он дорожил, не принимали его новую работу. Мне близко и понятно то, как он любил всех, с кем работал, всех, кого в свою работу приглашал, всех, с кем делил успех, – за неудачу нёс ответственность он один. Ваня был мужественным человеком. А в своём отношении к искусству – настоящим художником. И его мнение оказывалось важным и весомым даже для тех, кто не принимал его кино.

Ему давно поставили диагноз, который звучит как приговор. Его неверно диагностировали вначале, а когда диагноз уточнили, было уже поздно. Многие приняли участие и помогали... Ваня прожил дольше, чем изначально предполагали врачи...

Так и подмывает употребить расхожую фразу: «Он мужественно боролся со смертью», или: «Он мужественно боролся за жизнь». Но я сказал бы иначе. Процесс борьбы – это процесс борьбы, со смертью или за жизнь – не важно. А Иван жил с болезнью! Он и в состоянии болезни жил плодотворно. Вы, вероятно, помните, как он появлялся на телевидении совершенно без волос, – это был результат лечения.

Он долгое время провёл в стерильном помещении... Но при этом всегда работал. Те, кто общался с ним тогда, говорили, что он не излучал фальшивого оптимизма и не изображал подбадривающую близких весёлость. Они говорили, что он очень адекватен тому, что с ним происходит... Он доделал фильм, был полон планов, вёл свою колонку в «Известиях», появлялся на телевидении, ездил на фестивали, организовал свой кинофестиваль, который в середине октября состоится уже без него. Он жил с болезнью. Жил! И вот умер. А я уже успел привыкнуть к тому, что можно не интересоваться у общих друзей, как Ванино здоровье. Он отлично выглядел. Собственно, как всегда. Потому что Ваня был классный.

Умер человек, который был для меня очень важен. Я не говорил о важности его присутствия в современном культурном пространстве. Просто в записной книжке моего мобильного есть номер, на который я уже никогда не позвоню. А если и позвоню, то не услышу его голоса, который можно назвать культовым. Для меня это был ещё и близкий голос. Ваня умер. Дальше живём уже без него...

30 сентября

Моя команда и я очень строго следим за тем, чтобы цены на билеты на мои спектакли в Москве и других городах были если и высокие – в партер, то уравнивались бы недорогими на балкон и галёрку. Это сложный процесс, но мы за этим строго следим. Как и за тем, чтобы цены на книги были разумными, постоянно интересуемся этим, получаем информацию из разных городов. Случались даже конфликтные ситуации, когда нам приходилось ставить чуть ли не ультиматум... Мы этим занимаемся, и будем заниматься, и будем прислушиваться к любой информации.

Также мы стараемся влиять на то, чтобы книги, диски доходили до самых отдалённых городов и регионов, чтобы их можно было приобрести в других странах – опять же по хорошей цене. Это для нас принципиально.

За последнее время я получил много просьб поскорее выпустить видеOVERSIYU спектакля Меня часто торопят, мол, когда наконец выйдет аудио-книга «Реки», спрашивают, когда будет новый альбом с «Бигуди», когда выйдет фильм «Сатисфакция»... Когда?.. Всё это выйдет! Но мне очень хочется задать вопрос...

Я встречал много пиратских изданий моих спектаклей.

Каких только не видел! И десять в одном, где спектакли соседствуют с фильмами «День радио» и «День выборов» и с двумя «Самыми лучшими фильмами». Видел диск, на котором было написано «Джим Керри и Гришковец», на котором был фильм «Тупой, ещё тупее» и «Как я съел собаку». Видел шикарное издание моего собрания сочинений, оформленное дороже, чем оригинальное. В Калининграде, в магазине недалеко от моего дома, открыто продаётся всё, мною сделанное, в пиратском исполнении. Но сказать я хочу не о пиратах. За мой счёт они наживаются намного меньше, чем за счёт более известных авторов. Пираты совершают преступление, наживаются, отбирают деньги, заработанные чужим трудом. Но я не о преступниках. Я о тех, кто качает из интернета... То есть о многих, многих людях, которые, должно быть, хорошо относятся к тем, чьи произведения скачивают.

У моей команды и у меня сейчас довольно трудный период. Непросто дался спектакль Он оказался недешёвым в производстве. Тяжёлым бременем, большим трудом и огромными временными затратами нам дался фильм «Сатисфакция». А на него нужно потратить ещё много времени и труда. К тому же основные создатели фильма ничего в процессе создания не получали, даже суточных...

Если бы не концерты, наша работа с «Бигуди» была бы убыточна. Продажи альбома «Секунда» не окупили затрат

на его запись и производство. При этом его знают чуть ли не наизусть многие, многие люди. Мне часто протягивали нарезанные на «болванки» наши альбомы домашнего изготовления. Я слышу нашу музыку в качестве рингтонов, у кого-то она звучит из компьютеров. Пираты этот диск не пиратировали. А если и пиратировали, то немного. Даже им нет смысла это делать.

С экономической точки зрения безумием является изготовление любого музыкального видео. В нашем случае это просто выброшенные на ветер деньги. А даже самое скромное видео требует техники и работы.

В аудиокниге «Реки» будет много классической музыки. Но далеко не всей классической музыкой можно воспользоваться бесплатно. Права на целый ряд произведений приходится оплачивать. Зачем? А чтобы было как надо!

Чтобы аудиокнига напоминала старые радиоспектакли, которые мы помним с детства. Хочется сделать не просто наговоренный в микрофон текст, а особую аудиоверсию. Работа над записью идёт уже полгода и близится к завершению. Над ней работало много людей, которые занимались правовыми, административными вопросами... Это помимо звукорежиссёра, оператора, режиссёра монтажа, меня, в конце концов. Серж Савостьянов, как всегда, тщательно работает над оформлением. Мы, как всегда, рассматриваем разные варианты. Нет ни одной несущественной детали: ни в

оформлении, ни в звучании. Работа над книгой «Следы на мне» была много проще. Хотя мы тоже потрудились... И что? Сколько дисков было куплено? И при этом сколько раз она была скачана и прослушана?

То же самое относится к выпуску DVD. Снимаем мы видеoverсию каждого спектакля пятью камерами, потом происходит монтаж... Оформление, графика – длительная работа многих людей. И за такую работу моя команда и я не получаем ни копейки. Если бы не дружеское финансирование, этих видеoverсий вообще бы не было. Дорогое удовольствие! А сколько оригинальных дисков покупается и сколько скачивается из интернета? Поверьте, ни один выпуск DVD ни разу не окупился. И так со всеми произведениями, которые можно получить в цифровом виде.

Получается следующее: своими спектаклями, живыми концертами, изданием книг моя команда и я деньги зарабатываем и на эти деньги периодически делаем дорогие подарки в виде видеoverсий, аудиокниг, музыкального видео, альбомов с «Бигуди».

Справедливости ради скажу, что периодически раздавались голоса, мол, как можно вам заплатить в интернете? Было много просьб организовать возможность платить за скачивание. Мы тут же отреагировали, связались с очень хо-

рошими людьми, можно сказать, редкими для нашего времени энтузиастами, которые сделали сайт «Круги». Мы им предоставили всё, что у нас есть, – в самом качественном виде. Причём это мы сделали после многочисленных просьб. На сайте есть так называемые «кошельки», куда можно заплатить, кто сколько пожелает. Скачать можно бесплатно, но есть возможность и заплатить. Это как бросить в шляпу уличному музыканту денег или не бросить. В этом смысле я ощущаю себя в интернете, как нищий скрипач со шляпой.

Почему я вдруг разразился этим высказыванием? Просто я узнал, что за девять месяцев наличия такой возможности и присутствия наших произведений на сайте «Круги», откуда скачивается то, что делаю я и не один я... за всё это время во всех кошельках собралось меньше двух тысяч рублей, а если быть точным, 58 долларов... Даже если бы те, кто скачивал с «Кругов», заплатили по рублю, сумма была бы больше.

Знаете, руки опускаются... Я, конечно, буду продолжать это делать: и будет видеверсия спектакля, и будет аудиокнига «Реки»...

Понимаю: каждый, кто скачивает музыку, кино, спектакль, как-то себя оправдывает, мол, в магазинах этих книжек нету, город мой далеко, или – я студент, мне не сладко, или – они без моего рубля не обеднеют; а кто-то, может, и

вовсе не задумывается. Но почему тогда мы должны оплачивать студии, арендовать помещения для репетиций, оплачивать работу операторов, ночами между спектаклями сидеть над монтажом, покупать дорогостоящие инструменты, оплачивать авторские права за музыку, которая звучит в спектаклях и аудиокнигах?.. Почему нам это надо, почему мы этого хотим и почему кто-то, не задумываясь, совершенно бесплатно берёт результат чужого труда?..

Фильм «Сатисфакция» висит огромным финансовым бременем на людях, которые его делают. И конечно, мы рассчитываем на прокат, на то, чтобы хотя бы вернуть долги и вложенные нами деньги. Я не говорю про заработок... А хотелось бы заработать, о-о-очень бы хотелось! Но если фильм «Сатисфакция» даст возможность вернуть потраченные на него средства и сверх этого заработать хотя бы рубль, я буду считать это победой. А если он попадёт в интернет, то, наверное, многих порадует, на кого-то произведёт впечатление, кому-то категорически не понравится. Зато его посмотрят много людей... Только мы очень постараемся, чтобы в интернет он попал как можно позже. Потому что нет надежды, что за него заплатят привыкшие бесплатно скачивать кино люди.

У нас снят и готов документальный фильм, точнее, документальный сериал «Без сценария». Это довольно острое произведение. Но что с ним делать? Он не телевизионного

формата. Выпустить на DVD? Так на следующий день, если не раньше, он окажется в сети, – и всё! (*Улыбка.*) Вот сидим и думаем: зачем мы его сделали, для чего, и как вернуть хотя бы производственные затраты? Мы придумаем. Мы ведь фильм уже сняли и, конечно, хотим, чтобы вы его увидели. Иначе какой в этом смысл? Вот и весь мой вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.